

"Египет? Нет, мам. Ни за что. Пожалуйста. Только не снова".

Захира Коллинз вздохнула, ожидая такой реакции от своего младшего ребенка. "Это не переговоры, Крис. Я ухожу. И вы с Сабахом пойдете со мной".

"Но почему?" Его голос был близок к хныканью. Если бы она не была так взволнована телефонным звонком, который только что получила, она бы чуть не рассмеялась. Крис говорил так, словно ему снова было шесть лет, а не почти двадцать, и его рост превышал шесть футов на добрых три дюйма. Он выключил телевизор, который смотрел, когда она вернулась домой из офиса в университете, и попытался нависнуть над ней. Она подняла на него глаза, забавляясь его попыткой запугать ее, и он отступил, раздраженно пожав плечами. "Уже почти июнь, мама. Почему ты хочешь поехать в Африку летом? Мы зажаримся. Даже я это помню".

Захира сардонически приподняла бровь. "Помнишь, если тебе звонит старый друг и говорит, что, возможно, он наткнулся на археологическую находку века, и что он доверяет тебе держать язык за зубами".

Крис моргнул, и ей показалось, что кожа сына слегка побледнела, даже сквозь загар. "Не... не папа, верно?"

С другого конца комнаты, где Сабах читал книгу и не обращал внимания на дебаты, послышалось фырканье. "Она сказала "старый друг", гений", - едко прокомментировала ее дочь, которой самой двадцать два года и которая учится в магистратуре Нью-Йоркского университета. "А не "кто-то, кого я бы с радостью бросила в мясорубку". Так что я не думаю, что это был папа".

"Нет", - усмехнулась Захира. "Это был не он. Вы ведь помните Гонсало, не так ли? Профессора Гонсало Эскобара?"

Сабах нахмурился. "Низкорослый толстяк? Кудрявые волосы? Рассказывал худшие в мире анекдоты?"

Она кивнула. "Это он. Он позвонил мне в офис сегодня днем. Это... если это правда... боги!" Она покачала головой. "Он огромный. Гигантское. Все думают, что у нее никогда не было своей гробницы. Что она была похоронена вместе со своим отцом".

Ее дети обменялись многострадальными взглядами. Они уже привыкли к тому, что их мать сбивается на какую-нибудь научную тангенту, не имея ни малейшего представления о том, о чем она говорит. "Но перестань, мама", - сказал Крис. "Я не могу поехать в Египет на лето. Мне нужно заработать денег на школу в следующем году".

"Точно", - насмеялась Захира. "Я не видела, чтобы ты делал это прошлым летом. И ты прекрасно знаешь, что мое соглашение с твоим отцом означает, что у нас достаточно денег на школу для тебя и для Сабаха. Даже если вы оба решите пойти в аспирантуру, а не только твоя

сестра".

"Вряд ли". Крис криво улыбнулся. "Но почему мы не можем остаться здесь, мама? Мы с Сабой можем сами о себе позаботиться. Мы уже не маленькие дети".

"Спасибо, что вызвал меня, тупица", - пробормотала Саба, переворачивая страницу.

"Или мы можем просто остаться с бабушкой и дедушкой".

"Правда?" Захира сложила руки на груди. "Ты собираешься остаться с моими родителями? Ты ведь помнишь, что они практикующие мусульмане? Ты собираешься молиться в сторону Мекки пять раз в день? Ходить в мечеть каждую субботу?"

"И перестать есть бекон?" вклинился Сабах.

"Умммм..."

"Точно." Она положила руки на бедра. "Ты идешь со мной. Оба. Это окончательно."

"Аааа." Крис схватился за голову. Его пальцы погрузились в его черные вьющиеся волосы, которые он унаследовал от нее. "Ладно! Если ты хочешь протащить нас через половину этой чертовой планеты, чтобы мы провели все лето в этой чертовой палатке, это прекрасно. Но подумай вот о чем". Он помахал пальцем перед ее носом в насмешливой угрозе. "Когда я стану богатым и знаменитым, и все захотят видеть меня на всех ток-шоу, и спросят, кто виноват в моем потрясающем успехе, я расскажу всем, какой ужасной матерью ты была".

Захира подняла брови. "Эта угроза была бы гораздо более пугающей, если бы ты не был специалистом по бухгалтерскому учету, Кристофер. Когда в последний раз один из них был гостем на шоу Джимми Киммела?"

"Входи, Крис", - сказала Саба, когда раздался стук в ее дверь.

"Как ты узнала, что это я?" - спросил ее брат, опускаясь на стул. Оно скрипнуло в знак протеста, но не сломалось. Сабах бросил на него укоризненный взгляд, но он, как обычно, проигнорировал его.

"В этой квартире живут только три человека, Крис", - заметила она, бросая чемодан на кровать. "А мама слишком занята упаковкой вещей. Что ты и должен делать. Или ты планируешь сесть на самолет до Каира только в том, что на тебе сейчас?"

"Уф. Не напоминай мне". Он закрыл глаза и откинул голову назад, пока она не уперлась в стену позади него. "Как ты думаешь, сколько мы там пробудем?" - спросил он.

"Столько, сколько потребуется маме, чтобы исследовать эту ее большую тайну, я думаю", - ответила она.

"Что означает, что это может быть от двух недель до двух чертовых лет". Крис хмуро посмотрел себе под ноги. "Черт. Я думал, мы покончили с этим, когда отец ушел. Летать по всему миру в поисках всякого барахла вместо того, чтобы отдыхать, как все нормальные люди. Большинство детей празднуют дни рождения. У нас есть таблетки от малярии".

"Ну, ты же знаешь, что мама амбициозна", - сказала Саба. Она открыла свое бюро, сортируя футболки и блузки. Она выбрала дюжину, легкие и светлые, подходящие для жестокой африканской жары, и аккуратно уложила их в чемодан. "Особенно с тех пор, как папа... ну, ты знаешь".

Крис мрачно кивнул. Брак их родителей был одним из тех сказочных случаев. Только в этом случае сказка получилась мрачной и неприятной, а прекрасный принц оказался замаскированным дьяволом. Их мать была аспиранткой Нью-Йоркского университета, блестящей и темнокожей арабской красавицей, которую она унаследовала от своих родителей, эмигрировавших в Америку из Египта после репрессий и убийства Садата в начале девятнадцати восьмидесятых.

Застенчивая студентка Захира Кури влюбилась с первого взгляда в профессора Грегори Коллинза, который был ее консультантом в аспирантуре. Высокий, худощавый, с гривой преждевременно посеребренных волос, которые придавали ему вид пожилого государственного деятеля, возможно, сенатора (а может быть, даже президента) из телевизионного фильма, Грег Коллинз обладал ровным, мягким голосом и обходительной осанкой, которые сделали его фаворитом на ток-шоу и лекциях, когда требовалось обсудить Древний Египет или Персию. Он сумел приумножить эту славу в трио популярных книг о Ближнем Востоке, в которых было мало настоящей учености, но много крови, крови и всего того, что могло бы развлечь обывателей.

Тем не менее, их мать была довольна, подумал Сабах. Она родилась, когда Захира еще работала над докторской диссертацией, а Крис - менее чем через два года. До пятнадцати лет ее жизнь протекала по простой схеме. Девять месяцев в году она проводила в Нью-Йорке, где ее мать пробивала себе дорогу по академической лестнице, а ее отец, казалось, был доволен своей жизнью в качестве адъюнкт-профессора Нью-Йоркского университета. Но как только школа заканчивалась на лето, наступало время отправиться в поле и заняться исследованиями. Почти всегда - Египет. А если позволял политический климат, то и в другие места, которые обычно были жаркими, сухими, пыльными, кишачными мерзкими насекомыми и враждебно настроенными к американцам. По ее подсчетам, они с Крисом отмечали День независимости в девяти разных странах.

Но все изменилось летом, когда ей исполнилось шестнадцать лет. Большую часть прошлого года ее отец работал над другой книгой. Как он утверждал на одном из своих бесчисленных выступлений в ток-шоу, она наконец-то "приоткроет завесу и покажет современному миру, какой на самом деле была жизнь в древности".

Никто не знал, что его работа была в значительной степени украдена, взята оптом, кусками, в некоторых местах длиной в несколько страниц, из собственных записей его жены, которые, как он прекрасно знал, она намеревалась в какой-то момент превратить в полноценную монографию. Как он думал, что это сойдет ему с рук, она не понимала. Возможно, он просто думал, что Захира, которая редко скрывала свое презрение к популяризации своей области, никогда не прочтет это.

Если так, то он жестоко ошибался. До смешного. Плагиат и последовавший за ним скандал стали катастрофой даже по меркам академических кругов, где мелкие распри могут длиться десятилетиями. В день выхода книги ее милая и спокойная мать, которая редко повышала голос и никогда не кричала и не ругалась, ударила отца по лицу твердым переплетом книги "Кровь, рабы и сталь: The Rise and Fall of Persia", когда он едва успел сделать три шага в их квартиру.

"Ты хоть знаешь, что такое ссылка, Грег, ты, титанический гребаный мудака?" - яростно обрушилась она на него, в то время как он зажимал рукой разбитый и кровоточащий нос. Она пнула его в бок так сильно, что у него заскрипели ребра, в то время как Саба уставилась в ужасе, а Крис, которому было всего тринадцать лет, прижался к ней. "Как насчет сноски? Или, может быть, небольшой оговорки? Чтобы было написано: "Я чертов гребаный вор!"".

В ту ночь Грегори Коллинз уехал, его научная репутация и брак были разрушены. Однако юридические разветвления продолжались еще долгие годы. В конце концов, их отец был вынужден лишиться всех гонораров от книги. Нью-Йоркский университет, разумеется, порвал с ним все связи, и теперь он преподавал вводные курсы антропологии в муниципальном колледже в Белойте.

Висконсин, ух. Это может быть еще хуже, чем Египет.

"Да, я знаю", - вздохнул Крис. "Мама хочет поднять свою репутацию, ведь до сих пор есть придурки, которые считают, что во всей этой истории с папой виновата она. Но почему сейчас? Почему она не может подождать, пока возобновится учеба? Тогда она сможет уехать, не беспокоясь о нас".

"Может, она боится, что университет не даст ей академический отпуск". Саба сморщила нос. "Или, может быть, находка настолько горячая, что она не может рисковать тем, что кто-то еще узнает об этом. Что в этом такого, Крис? В любом случае, летом Нью-Йорк - отстой. Жарко, как в аду, и весь город воняет мочой. А так мы сможем провести последнее лето с мамой". Она пожевала губу. "У тебя ведь не происходит ничего сумасшедшего? Например, девушки?"

Это действительно было забавно, как она могла превратить своего младшего брата в краснеющего, заикающегося подростка всего несколькими словами. Даже сквозь его темную кожу, зеркальное отражение ее собственной, она могла видеть, как румянец ползет по его шее. "Нет".

Сабах ухмыльнулся. "Может, тебе стоит сделать подношение Хатор", - сказала она, назвав

египетскую богиню любви и плодородия.

"Может, тебе стоит заняться своими делами, безбожный язычник".

"Да? Когда ты в последний раз ходил в мечеть?"

Он высунул язык. "Ты не можешь меня заставить. Я ничего не хочу слышать, - драматично провозгласил он, раскинув руки и откинув голову назад, словно глядя в потолок и на небо, - ни о каких ваших ничтожных, тягучих, поздно пришедших божках. Я поклоняюсь могущественному Богу-Солнцу Ра, у которого, насколько я могу судить, послужной список лучше, чем у Иисуса, Иеговы или Аллаха. По крайней мере, мы можем греться в тепле его благодеяний каждый день. Что Аллах сделал за последнее время?"

"Не дай бабушке услышать, как ты это говоришь", - сказала их мать, открывая дверь. "И Кристофер, тебе пора собираться. Наш рейс в семь. Вы оба знаете, где ваши паспорта, не так ли?"

"Вот здесь, мама", - сказала Саба, взяв свой с тумбочки.

"Крис?"

"Где-то здесь", - неопределенно ответил ее брат. "И могу я сказать, что это полная чушь, что мы не граждане Египта? Только потому, что ты не мужчина, мама? Если бы папа был египтянином, мы бы ими были".

Захира наклонилась и поцеловала его в щеку. "Что? Зачем это было?" - спросил ее брат.

"Знаешь что, Крис?" Ее мать улыбнулась. Улыбка, благодаря которой она выглядела на двадцать лет моложе. "Каждый раз, когда я думаю, что ты совсем безнадежен, ты говоришь что-то, что заставляет меня понять, что ты все-таки не большой тупой дурак".

"Спасибо, наверное". Он потерял то место, где ее губы касались его кожи.

"Крис. Собирайся. Сейчас же". Саба спрятала ухмылку. Ее мать практически подпрыгивала от возбуждения. Что бы ни нашел профессор Эскобар, Захира была готова облететь полмира меньше чем за день. И какой бы она ни была, ее мать была не из тех, кто идет на безумный риск. Ее академическая репутация строилась кирпичик за кирпичиком. Она не стала бы подвергать ее опасности ради чего-то менее невероятного.

Поставить под угрозу? неожиданно подумала она. Или создать ее? Захира поднималась по карьерной лестнице уверенно, но медленно. Думала ли она, что в звонке профессора Эскобара нашла что-то, что могло бы поднять ее на ступеньку выше? Вопрос брата эхом отозвался в ее голове. Что же на самом деле происходит?

Она поняла, что говорила ее мать. "Прости. Что, мама?"

"Я просто хотела убедиться, что ты готова к завтрашнему дню".

Саба пожала плечами. "Я не забыла, как собирать вещи, мама. Но это все равно заноза в заднице, когда приходится перекраивать все мое лето почти без предупреждения".

"Расскажи мне об этом", - ворчал Крис.

"Да?" Она ткнула брата пальцем в спину. "Разве мама не сказала тебе собираться? Переезжай."

"Мне жаль его", - тихо сказала ее мать, когда он, сутулясь, вышел за дверь в коридор. Его шаги затихли позади него. "Я помню, каким был этот возраст. Мозг говорит тебе одно, а тело - другое. Неудивительно, что я оказалась с твоим отцом". Она фыркнула. "И какая это была катастрофа".

Сабах улыбнулся. "Ну, учитывая, что я бы никогда не родилась, если бы вы с папой не сошлись, я не считаю это полной катастрофой, мама".

Мать обняла ее, крепко и неистово. "И никогда не забывай об этом. Ты и Крис - две лучшие вещи, которые когда-либо случались со мной".

"Крис? Правда?" - пошутила она. Даже в двадцать два года ее все еще удивляло, что она может смотреть матери в глаза. Из-за ее присутствия она всегда казалась выше. "Мне бы не хотелось видеть, что было на третьем месте".

Шлепок по руке, достаточно сильный, чтобы ужалить, заставил ее подпрыгнуть. "Крис - хороший мальчик. Нет." Ее мать поправила себя. "Хороший мужчина. Или скоро им станет. Ему просто нужно время, чтобы вырасти в себе. Я знаю, что сейчас он злится на меня. Так что дай ему пару дней, прежде чем ты начнешь поручать ему дела, хорошо?"

"Хорошо, хорошо", - улыбнулась она. На Крису действительно невозможно было злиться. Этот большой дурак мог выглядеть как одна из звезд в уморительно ужасных египетских мыльных операх, которые смотрела ее бабушка. Но когда все было сказано и сделано, он все равно оставался ее младшим братом. И она любила его. "Я дам ему сорок восемь часов. Но если он и дальше будет вести себя как маленький ребенок, у которого только что отобрали любимую игрушку, я засуну свой ботинок ему так глубоко в задницу, что он почувствует вкус кожи".

"Моя дочь - дипломат", - засмеялась Захира. Еще одно объятие, быстро отпущенное. "Я знаю, что могу рассчитывать на тебя. Теперь. Я собираюсь убедиться, что Крис не упаковал свое зимнее пальто вместо носков и нижнего белья".

"Удачи тебе".

Глава 2

"Боже." Крис моргнул, когда, спотыкаясь, вышел с трапа самолета в главный терминал аэропорта. "Который час?" Он нахмурил брови, вглядываясь в темноту за высокими стеклянными окнами, выходящими на Каир. "Черт. Какой сегодня день?"

"Сегодня", - ворчала Саба, перекидывая свою сумку через плечо. "Еще нет полуночи. В тот же день, когда мы уехали. Вторник", - уточнила она. "Мы на семь часов впереди Нью-Йорка".

Крис моргнул. Это звучало примерно так. Его тело было готово к ужину, почти. Но разница между его внутренними часами и глубокой ночью за окном заставляла его мозг болеть. Одно говорило о том, что уже пора спать. Другое - что ему пора садиться за стол.

"Таможня", - твердо сказала их мать, подойдя к ним. "А потом в отель".

Это всегда странно, подумал Крис, когда они пробирались через бюрократию, которая, казалось, никогда не менялась, независимо от того, сколько раз поднимались и падали правительства. Разница между гладким, современным, стеклянным и стальным аэропортом и знанием того, что всего в часе езды от него находится воющая пустыня, которая может убить тебя до смерти от жары, жажды и ветра, который может содрать плоть с твоих костей, если ты не готов к этому. Цивилизация была тонкой фанерой. Они принимали ее как должное.

Не так уж и странно, подумал он. Подумайте об Америке, черт возьми. Представляете, что случится, если вы высадите кого-нибудь из Египта в Майами? Один взгляд на Эверглейдс, и они бы сразу потеряли сознание. А как насчет Миннеаполиса или Буффало? Они бы с криками убежали домой, когда узнали, что такое зима на самом деле.

Скучающий чиновник перед ним поставил печать в паспорт и протянул его обратно. "Спасибо", - пробурчал он и сунул его в карман, не заботясь о том, понимает ли этот человек по-английски или нет. Его мать и сестра терпеливо ждали, все уже было готово.

"Захира! Любовь моя!"

О, Боже.

Крис застонал, Сабах ухмыльнулся, а его мать громко рассмеялась, когда на них навалился невысокий, бочкообразный мужчина. Его голову венчали густые черные волосы, отливающие серебром, того же цвета, что и его полная борода. Внизу толстый живот напрягся в пуговицах ужасно кричащей гавайской рубашки, хотя Крис был уверен, что профессор Гонсало Эскобар никогда не был ближе к Гавайям, чем к Чикаго.

"Ах, друзья мои. Я так рад вас видеть!" Его английский носил лишь следы акцента его родной Испании. Он взял руку Сабаха в свою, повернул ее и поцеловал костяшки пальцев. "Захира,

любовь моя. Когда ты выйдешь за меня замуж и сделаешь меня самым счастливым человеком в Барселоне?".

"Профессор", - хихикнула Саба. "Моя мама там!"

"Нет! Этого не может быть!" пожилой мужчина вытаращился. "Ты не можешь быть маленькой Сабахой! Когда я видел тебя в последний раз, ты была не больше минуты. А сейчас ты так же прекрасна, как твоя мать!" Он отступил назад, принимая позу. "Может быть, ты станешь моей невестой, прекрасная Сабах? Моя собственная жена не может сравниться с твоей красотой. Я отброшу ее в сторону и положу себя к твоим ногам. Пожалуйста, скажи "да". И все, что у меня есть, будет твоим!"

"Да, вполне вероятно, бесстыжий старик", - засмеялась его мать, а Сабах покраснел. "Какая это жена? Третья или четвертая? Я сбился со счета, старый козел. И ты, наверное, тоже".

"Четвертая", - спокойно ответил профессор, усмехаясь в бороду. Несмотря на себя, Крис понял, что он ему нравится. "Как может мужчина остановиться на одной, - подмигнул он, - когда вокруг столько красавиц?"

"А вы, должно быть, Крис!" - воскликнул он, протягивая руку с лопатой. "Клянусь Девой! Я не видел тебя столько лет!" Его изрезанная голова пронизательно покачивалась. "Ты похож на своего отца".

"Боже, надеюсь, что нет", - честно ответил Крис, пожимая руку профессора. Единственное, что он когда-либо хотел получить от этого отвратительного старика, - это его рост.

"Ну, только прикосновение". Пожилой мужчина провел большим пальцем по челюсти. "Мои извинения. Я знаю, что все... закончилось не очень хорошо".

"Пойдем, Гонсало". Его мать взяла пожилого мужчину за руку. "Нам нужно забрать багаж. А потом я хочу все услышать".

"Долина Царей."

Профессор Эскобар расстелил карту на столе. Поездка из аэропорта в отель была, к счастью, быстрой. В столь поздний час даже в Каире было мало пробок.

"Не Гиза?" спросил Сабах.

"Нет". Профессор улыбнулся ей. "Гиза была построена гораздо раньше. Несмотря на это, это открытие старое. Настолько старое, что оно новое".

Брови Сабаха нахмурились. "Я тоже изучаю древность, профессор. Хотя, - призналась она, - я сосредоточена на Риме и Греции".

"Не концентрируйтесь. Раскинь свои сети пошире, милая Саба", - усмехнулся он. Специализация - это для муравьев".

"Но это может быть раньше твоего времени. Скажи мне. Что ты знаешь о Хатшепсут?"

<http://erolate.com/book/2466/61733>